

НИНА АХМИНЧЕВА

ПУТЬ
КНЯГИНИ

КНИГА ВТОРАЯ

Нина Ахминеева

Путь княгини 2

<https://litres.ru/74132794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Какой должна быть жизнь юной княгини? Посещение модных магазинов и выбор нарядов? Родственники, потакающие всем прихотям, первая влюбленность?

Как бы не так!

Жизнь княгини Алайской - это отнюдь не роскошь, балы и юнкера! Род на грани банкротства, «любящий» дядюшка мечтает отобрать наследство, а вместо очередного платья я ищу в интернете, где подешевле купить комбайн и контакты хорошего юриста! Да и с влюбленностью все сложно. Впрочем, трудности - не повод впадать в уныние. В прошлой жизни не сломалась и в этой справлюсь. А любовь... К черту!

ТРИЛОГИЯ!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	57
Глава 7	66
Глава 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Нина Ахминеева

Путь княгини 2

Глава 1

Два часа ночи. Москва. Кремль

Вытянувшийся во фронт перед сидящим в кресле императором седовласый лекарь прятал взгляд.

— Ваше величество, диагноз подтвердился. Когда появятся внешние признаки, сразу же погрузим цесаревну в медико-магический сон. Штамм у нас теперь есть, и мы, безусловно, приложим все усилия, чтобы сделать лекарство.

— Сколько ей осталось? — ледяным тоном уточнил государь.

— Максимум четыре месяца. Сожалею, — выдохнул лекарь, по-прежнему не осмеливаясь посмотреть на правителя.

— Ступай! — властно бросил тот.

Низко поклонившись, эскулап торопливо удалился. А как только дверь за ним с тихим хлопком закрылась, самодержец ссутулился, словно разом превратившись в дряхлого старика, невидяще уставился в пол.

— Доченька... Как же так? — прошептал он, раздавленный страшной новостью.

Подхваченный далеким предком иномирный вирус не давал о себе знать три сотни лет, да и Николай II был уверен, что единственная дочь в принципе не может заболеть. Болели только мальчики, а все пять сыновей успешно прошли через опасный возраст. Однако, как оказалось, император жестоко ошибался.

Чужеродная мерзость пока еще гнездится в ауре и никак себя не проявляет, но уже через сутки на коже восьмилетней девочки появятся наросты. Спустя неделю они покроют все тело, приобретут характерный окрас и форму: будут напоминать плотно прижатые друг к другу фасолины «змеиный глаз». Зрелище омерзительное до тошноты, но это не самое страшное. Самое страшное начнется позже. Когда наросты достигнут определенного размера, появится боль — сначала умеренная, но очень быстро она перейдет в невыносимую. Ни лежать, ни сидеть, ни стоять цесаревна не сможет, любое движение будет для нее изнуряющей пыткой. И даже медико-магический сон не избавит ее от страданий, он лишь немного их облегчит.

А главное — лекарства нет, и надеяться, что ученые внезапно его изобретут, наивно и глупо. Малышка совсем скоро умрет. Это неизбежно. Помочь ей нельзя.

Не сдержавшись, любящий отец застонал от отчаяния и собственного бессилия.

Ненавязчивый запах озона коснулся его обоняния. Николай медленно повернул голову, глядя на открывающийся

прямо в стене портал.

Из мерцающей серебром дымки вышел верховный инквизитор. Степенно приблизившись к государю, он поклонился и учтиво поздоровался:

— Доброй ночи, владыка.

Проигнорировав приветствие, Николай скупым жестом указал на свободное кресло. Верховный инквизитор слегка склонил голову, благодаря за приглашение, уселся и замер в спокойном ожидании. Император, положив ногу на ногу, рассматривал ночного визитера, а лидер могущественного ордена бесстрастно взирал на правителя империи. Секунды складывались в минуты, но тишину никто из них не нарушал.

— Ты знал, что моя дочь заболела, — наконец заговорил Николай. В его словах не слышалось ни капли сомнения. — Как давно?

— За десять лет до рождения цесаревны.

— Почему не предупредил?! — звенящим от негодования голосом выкрикнул император.

— Что бы это изменило? Образец для создания лекарства появился только сегодня. Предупреждение не имело смысла.

Николай вцепился в подлокотники кресла до побелевших пальцев, его челюсть отяжелела. Казалось, еще чуть-чуть, и он разразится гневной тирадой. Но вместо этого император обмяк. Прикрыв веки, сглотнул ком в горле.

— Знаешь, Егор Дмитриевич, порой мне кажется, что ты

и не человек вовсе.

Верховный инквизитор усмехнулся. В комнате снова повисла тишина.

Глубоко вздохнув, император потянулся к стакану с водой. Осушил его залпом, вернул на столик.

— Говори, какую новость принес. На южной границе зревают проблемы?

— Ты и без меня это знаешь, владыка, — мягко возразил Егор Дмитриевич и круто сменил тему: — Как думаешь, что есть между прошлым и будущим?

Николай задумчиво потер подбородок.

— Мгновение? — предположил он с сомнением.

— Верно. — Верховный инквизитор с невозмутимым видом кивнул. — Будущее определяется именно такими мгновениями. И на него напрямую влияют решения, принятые здесь и сейчас. У твоей дочери появился шанс выжить.

— Что ты сказал?! — не поверил своим ушам император.

— У твоей дочери появился шанс выжить, — не меняя интонации, повторил провидец.

Николай сжал кулаки, тяжело задышал. Совладав с эмоциями, он уточнил:

— Кто этот будущий национальный герой?! Имя!

Егор Дмитриевич понимающе улыбнулся.

— Когда-то ее звали Ольгой, так же, как твою дочь. Сейчас она носит имя Мария.

— Когда-то звали? Почему сменила имя? От кого прячет-

ся?

Демонстративно сложив руки на животе, провидец бесстрастно уставился куда-то поверх головы государя. Тот недовольно поджал губы.

— Ты пришел просто предупредить? Неужели совсем ничего не можешь рассказать?

— Отчего же? Кое-что могу. Эта женщина искренне уверена, что сама себе хозяйка и вольна поступать, как ей того хочется. Скоро у нее начнутся серьезные проблемы. Я видел разные варианты будущего. Вам вмешиваться категорически запрещено, а вот мне придется. Но исключительно для того, чтобы удалить из ее окружения мужчину. До определенной точки времени его помощь необходима, а вот после он негативно повлияет на ход событий, — поймав озадаченный взгляд самодержца, провидец пояснил: — Марию будут прессинговать, да так мощно, что не каждый мужчина выдержит. Она должна дойти до черты, у которой кажется — все, это край. Только при таком условии будет создано средство, способное исцелить вашу дочь.

Император нахмурился, поиграл желваками на скулах.

— Она ведь женщина. Уверен, что не сломается?

Егор Дмитриевич привычным жестом огладил аккуратную бородку.

— Эта выстоит, — обронил он лаконично.

Это же время. Пригород Краснодара. Князь Меньшиков
Александр закрыл ноутбук, засунул его в переносную сумку, положил на стул. Размяв затекшие шею и плечи, отхлебнул из кружки давно остывший кофе.

Какая мерзость.

Он сморщился, словно откусил лимон, встал из-за обеденного стола и прошел в кухонную зону. Сполоснув чашку, поставил ее на полку. Обернулся.

Взгляд немедленно притянула миниатюрная девушка, лежащая на диване. Княгиня Мария Георгиевна Алайская спала на боку, обнимая подушку и поджав стройные ноги, обтянутые джинсами.

Будить жалко. Но придется.

Алекс бесшумно подошел к дивану. Присев на корточки, он аккуратно убрал с лица гостьи темный локон. Маша глубоко вздохнула, что-то невнятно прошептала, но не проснулась.

Инквизитор отдернул руку. Он смотрел на эту взрослую женщину в теле восемнадцатилетней девушки и понимал, что горько сожалеет. Сожалеет о том, чего никогда не случится. Совместного будущего у них с Машей нет и быть не может. У них осталось чуть больше двух месяцев, а потом каждый пойдет своей дорогой.

Он грустно улыбнулся, провел по ее щеке тыльной стороной ладони.

Мария сонно захлопала длинными густыми ресницами, и

Алекс тут же распрямылся. Моментаьно активировав защиту, он спрятал от нее свои эмоции.

— Я уснула, да? — пробормотала Маша, садясь на диване.

— Который час?

— Половина третьего, — ровным тоном сообщил инквизитор, возвращаясь в кухонную зону. — Завтракать тебе нельзя, а вот сладкого чая перед процедурой надо выпить обязательно.

— Перед какой еще процедурой?! — прилетел ему в спину вопрос изумленной девушки.

— Важной. Позже объясню, — отмахнулся Алекс, включая электрический чайник.

Что-то буркнув, Мария прошла в ванную комнату. Пока она умывалась, Алекс заварил крепкий чай, разлил его по кружкам и в одну щедро насыпал сахара. Немного подумав, добавил еще и меда, а затем обе перенес на стол. Усевшись на стул, инквизитор отхлебнул душистый напиток без грамма сладости и одобрительно кивнул сам себе.

Послышались тихие шаги. Устроившись напротив хозяйки дома, Мария посмотрела на него изучающе.

— Все объяснения потом. — Алекс пододвинул к ней чашку. — Пей.

Несколько мгновений посверлив Александра взглядом, девушка все же пригубила напиток. Скривившись от безумной сладости, глянула на инквизитора с возмущением.

Алекс про себя хмыкнул. Ну да, пить такое сложно. А при-

дется.

Маша сделала еще несколько глотков и, не выпуская кружку из рук, откинулась на спинку стула. Вопросительно подняла брови, давая понять, что пора бы приступить к рассказу.

— В этом мире каждый глава рода, неважно какого пола, обязан владеть боевыми техниками, иначе на уважение можно не рассчитывать. Времени на стандартное обучение у тебя нет, а проблемы — уже есть, и они будут нарастать как снежный ком. Хотелось бы надеяться, что силу тебе применять не придется, но в жизни всякое случается, поэтому ты должна уметь сама за себя постоять. Как я уже говорил, у меня есть доступ к инфокапсуле. В ближайшие дни мой пропуск аннулируют — экзамен я успешно сдал, — так что мы идем вливать в тебя знания. Да, сейчас. Да, посреди ночи. Думаю, до утра успеем заложить в твою симпатичную голову теорию по боевке для магов земли.

Мария внимательно посмотрела на Алекса. Внешне юная, но на самом деле опытная женщина, казалось, заглянула прямо в душу.

— За то, что привел постороннего человека в закрытую зону, по головке не погладят, — отметила она прозорливо. — Чем тебе грозит эта авантюра?

«В карцер посадят. На завтрашний экзамен отведут под конвоем. Когда освободят, Егор Дмитриевич вызовет к себе на ковер и устроит конкретную выволочку. Не исключено,

что на время впаду в немилость, — перечислил мысленно Алекс. И мысленно же ответил Маше: — Но оно того стоит. Хоть сможешь дать отпор недругам, когда меня не будет рядом».

Острое сожаление царапнуло сердце, но Александр не дал ему проявиться ни на лице, ни в глазах.

— Ничем особенным. — Он обаятельно улыбнулся. — Все, допивай свой сироп, и выдвигаемся. Времени у нас не так уж и много.

Глава 2

Я безуспешно вглядывалась в темноту. Не видно ни зги.

Нет, портал, конечно, штука удобная. Один шаг — и ты уже в другом месте. Но если не знаешь, куда тебя ведет инквизитор, самой понять, где очутилась, решительно невозможно.

— Стой здесь, — попросил Алекс. Отпустив мою руку, он отошел.

Вспыхнул свет, заставив прищуриться. Поморгав и привыкнув к освещению, я разглядела в нескольких шагах впереди стеклянную перегородку, разделяющую помещение надвое. На той половине, где находились мы с Алексом, царил полумрак, а вот белоснежное пространство за стеклом заливал холодный свет. По центру этой «снежной пустыни» стояла белая штукovina. Больше всего она напоминала половинку косточки авокадо, заполненную жидкостью молочно-го цвета.

Это и есть то самое устройство? И как оно работает? Раздеваться придется или можно так, в одежде? Лежать голой в непонятной субстанции — вряд ли это доставит удовольствие.

Безусловно, перспектива по щелчку пальцев обрести знания по боевой магии привлекала. Особенно после того, как

я чудом избежала магической дуэли. Но так ли необходимо лезть в инфокапсулу?

Размышляя, я нервно покусывала нижнюю губу.

Алекс уверял, что ему ничего не грозит, а вот мой жизненный опыт говорил обратное. Его, несомненно, накажут, вопрос только — как? И ведь не понять, что ему светит! Сразу после пробуждения я снова заметила на инквизиторе защиту. Считать его эмоции мне не по силам, внешне же он мастерски себя контролирует. Впрочем, не исключено, что Алекс рассчитывает сохранить наш визит в тайне от преподавателей, не зря же мы пришли учиться глубокой ночью.

И все же... Может, не стоит? Не надо ему из-за меня рисковать. Голова на плечах есть, сама потихоньку выучу.

Я обернулась к спутнику. Тот с привычно непроницаемым выражением лица бесшумно подошел. Не сказав ни слова, обнял за талию и уверенно повел в кипенно-белую зону.

Ладно. Надеюсь, он знает, что делает.

Дойдя до «косточки авокадо», Александр внезапно подхватил меня на руки и прямо в одежде и обуви аккуратно посадил в белую жижу.

— Не бойся. Дыши носом, — посоветовал, придерживая под спину и осторожно укладывая. — Захочешь что-нибудь спросить — четко сформулируй про себя вопрос. Система его озвучит.

Уточнить, отчего такие сложности с общением и чего именно не бояться, я не успела: инквизитор убрал руки и

отступил. Тягучее, как смола, вещество тут же облепило со всех сторон, накрыло с головой и застыло.

Что происходит?!

Стало страшно до паники. Голова закружилась, затошнило. Сердце заколотилось о ребра, будто собралось их проломить. Хотелось завопить от ужаса, но не тут-то было: рот не открывался. Пытаясь вырваться, я резко дернулась. Тщетно, не удалось пошевелить даже пальцем. Немая, обездвиженная, я казалась себе рыбой, замороженной в лед.

Стоп! Прекратить панику!

Неимоверным усилием воли я все же взяла под контроль эмоции. Сосредоточилась на дыхании. Осторожно вдохнула носом. Парадокс, но воздух беспрепятственно вошел в легкие.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Бешено стучащее сердце начало успокаиваться, когда я ощутила движение: инфокапсула поднялась в вертикальное положение. Пульс снова зачастил, но, до скрипа стиснув зубы и не особо надеясь на успех, я попыталась поднять веки. И умудрилась-таки это сделать.

Как выяснилось, молочно-белая жидкость стала твердой, а заодно — прозрачной. Я прекрасно видела стеклянную перегородку и пространство за ней.

Зрение работает, и то хлеб.

— Молодец. Быстро адаптировалась, — раздался откуда-то голос невидимого Алекса. — В первый раз эту проце-

дуру приятной не назвать. Настраиваясь на нейронные связи обучаемого, устройство сильно повышает уровень кортизола.

Гормона страха? Капец у них тут аттракционы! Чувство юмора у местных ученых на высший балл! Не хотите, господа инквизиторы, как все нормальные люди грызть гранит науки? Тогда тряситесь от страха.

Про себя усмехнувшись, прислушалась к ощущениям. «Лед» нагрелся, температура стала комфортной. Кожу покалывало — не больно и не противно, скорее непривычно и странно. Попыталась снова открыть рот. Мимо, губы так и остались склеенными. Зато зрение и слух в наличии.

В целом нормально, на МРТ даже похуже. И здесь, и там лежишь в тесном, замкнутом пространстве, но здесь двигаться не можешь, а там — нельзя, врач запрещает.

— Все. Программы я запустил, загрузка двух базовых пакетов закончится через три часа пятнадцать минут. В течение этого времени никаких особых ощущений не будет. Если хочешь, то можешь подремать.

Подремать? Да я тут как жук в янтаре! Сна ни в одном глазу!

По-прежнему не находя собеседника в поле зрения, я мысленно с досадой бросила: «Ну и где ты прячешься?»

— Прячется здесь негде. Да и незачем.

Голубоглазый инквизитор появился справа и встал прямо передо мной. На его светлых волосах красовались боль-

шие наушники, как у пилота вертолета. И этот аксессуар ему очень шел. Красивый он все-таки, зараза. Я же наверняка сейчас выгляжу по-идиотски.

Алекс сногшибательно улыбнулся.

— Есть вопросы? Спрашивай.

Так, что-то меня не туда понесло. Надо думать, совсем о другом! Вопросы действительно есть, способ общения более-менее понятен.

«Почему два пакета, а не один?» — спросила первое, что пришло на ум.

— Первый пакет содержит информацию о построении защиты. Второй — боевые плетения, всякие-разные конструкции магов земли. — Александр засунул большие пальцы рук в карманы джинсов и пояснил: — У тебя активны четыре ветви дара. Эмпатия — интуитивна. Дар уникальный, теории как таковой нет, чему сама научишься, тем и будешь пользоваться. У способности управлять временем единственная функция — ускорение. Ты и так умеешь это делать, учить здесь нечему. Что касается защиты, всю базу ты сегодня получишь, потом на практике отработаешь. С землей сложнее. У тебя будет только теория по боевке, а практическую работу с грунтом и растениями и прочие нюансы придется изучать самостоятельно. Литературу я принесу, как и обещал. Но то, что не поймешь, объяснить не смогу. Не моя специфика.

«Ректор же предлагал обращаться к нему, если сама не разберусь», — напомнила я о том, что слышали мы оба, и

вопросительно посмотрела на Алекса.

Не получив ответа, про себя чертыхнулась. Очевидно, инфокапсула озвучивает лишь вопросы. С одной стороны, это радовало: неуместные мысли или случайно брошенные фразы останутся при мне. С другой же — разговору мешало. Конкретно так мешало.

«Для чего инквизиторов учат теории чужой боевой магии, если вы все светлые маги?»

Спросила я некорректно, стоило сформулировать иначе, но Алекс понял.

— Инквизиторы обязаны знать теорию по всем видам боевой магии. Даже не имея ветвей дара огня, земли или воздуха, но зная техники взаимодействия с ними, мы можем своей силой влиять на основные узлы плетений и конструкторов. Это очень энергозатратно, работа кропотливая, зато позволяет избежать глобальных разрушений.

И человеческих жертв...

Под ложечкой засосало. До меня только сейчас дошло, что именно Алекс сделал там, в пафосной столовой. Вроде бы с легкостью погасив здоровенный фаербол разгневанной графини, он мало того что не допустил разрушений, еще и, кроме нас с Наташей, спас кучу студентов.

Наверняка поэтому ректор без промедления засчитал ему сдачу выпускного экзамена по боевой магии.

Я смотрела на инквизитора и испытывала странный симбиоз из искренней благодарности и беспокойства. С тех са-

мых пор, как очнулась в этом мире, князь Александр Меньшиков постоянно рядом — объясняет, оберегает, помогает. Если бы не он, я уже давно или погибла бы, или влипла в нехорошую историю. Но... Что дальше-то? Он уедет, а я стану беспомощнее слепого котенка? Надо срочно ассимилироваться в этом пока еще чужом мире.

Тревога острыми коготками оцарапала душу.

— Ты справишься, — уверенно объявил Алекс.

Запоздало вспомнив, что мои эмоции для него не секрет, я раздосадовано скривилась. Ну, скривилась бы, если могла. И вот как ответить? Разве что моргнуть два раза, мол, не просто услышала, но и поняла оставшееся несказанным: он тоже чужак, и этот мир стал для него родным, а значит, и у меня все получится.

— Умница, — похвалил инквизитор.

За стеклянной перегородкой появился явно мужской силуэт. Я его видела, а вот Алекс — нет, стоял-то к нему спиной. Да и уши закрыты наушниками, вряд ли он слышит что-то еще, кроме моих вопросов.

Как же ему сказать-то? О!

«Если обернуться, можно увидеть постороннего?»

— Разумеется. Ты пока отдыхай, а я пойду пообщаюсь.

Сняв наушники, Александр повесил их на шею и направился к перегородке.

Князь Александр Меньшиков

Скрестив руки на груди, декан факультета святой инквизиции мрачно взирал на своего лучшего студента-выпускника. И, казалось, желал испепелить его взглядом.

Алекс знал: не выпавшийся Константиныч хлеще монстров из прорыва. И зачем охрана подняла его с постели? Сами не захотели с нарушителем разбираться?

Морально готовясь к неприятной беседе, князь Меньшиков покинул зону аппаратного обучения, плотно закрыл за собой дверь и направился к рассерженному преподавателю.

— Доброй ночи, Юрий Константинович.

— Доброй? На вашем месте я бы не был в этом так уверен, студент Меньшиков, — процедил злой декан. — Вы, Александр, находясь в шаге от диплома с отличием, решили нарушить все мыслимые правила? Пожертвовать блестящей карьерой? И все это ради девушки?

— Получается, что так, — хладнокровно согласился Алекс.

Повисло тяжелое молчание. Декан какое-то время всматривался в бесстрастное лицо студента, а затем вынес вердикт:

— Карцер два месяца.

— Есть карцер два месяца! — вытянувшись по стойке смирно, отчеканил Александр, хотя внутри все перевернулось. Два месяца? Нехило Константиныча разобрало. Князь рассчитывал на меньший срок.

— Отправляетесь отбывать наказание сразу же, как ваша,
— Юрий Константинович демонстративно сделал паузу, —
подопечная завершит процедуру.

— Так точно! — отрапортовал Алекс, переваривая очередной неприятный сюрприз. Маше в десять на сборище хуторян, а там может всякое случиться. Гадство! Не отводя глаз от угрюмого декана, он невозмутимо добавил: — Разрешите идти продолжить контролировать ход процедуры?

— Разрешаю, — недовольно буркнул тот.

Иначе Константиныч ответить и не мог: принудительное прерывание загрузки пакетов запросто сожжет мозг. Такие проблемы декану уж точно не нужны. К тому же Алекс не сомневался, что в его «подопечной» преподаватель уже опознал главу княжеского рода Алайских. И, как пить дать, знает, что той интересовался верховный инквизитор.

Ладно, хоть и не без подстав, но выволочка закончена. Теперь надо решить, кого бы озадачить присмотром за Машей, пока сам Алекс будет сидеть в карцере.

Развернувшись через левое плечо, Александр быстро прошел на белую территорию, по пути надевая наушники. Как только вернулся на прежнее место, раздался взволнованный голос Маши:

«Кто это был? У тебя из-за меня проблемы?»

Алекс тепло улыбнулся застывшей «во льду» девушке.

— Не нервничай. Ничего экстраординарного.

«Уверен?»

— Однозначно.

Князь говорил твердо, но на сердце скребли кошки. Естественно, переживал он не за себя, а за нее. Отказавшись от службы в ордене святой инквизиции, эта упрямица целенаправленно лезла в пасть тигру. И как ее обезопасить? Задача со звездочкой.

Глава 3

Разговор не клеился. Нет, Алекс, как и прежде, отвечал на мои вопросы, но явно думал о чем-то своем. Решив ему не надоедать, я закрыла глаза и сделала вид, что задремала.

Спать мне, разумеется, не хотелось. В голове роилось множество мыслей, одна тревожнее другой. Ближайшее будущее совсем не казалось радужным, более того — откровенно напругало.

Наследные земли — проблемные. Две трети пашен непригодны под засев обычными культурами, и что там сажать — непонятно. Но сажать надо, причем срочно. Долги по налогам кошмарные, скоро казна выставит требование об оплате, а платить нечем. Денег нет. Ни рубля. Еще и проныра староста так своевременно «самоутопился». Теперь не спросишь у него, кто та сволочь, которая восемнадцать лет обогащалась за счет моего рода.

Алекс сомневается, что злодей — князь Ростовский, но я уверена, что дражайший дядюшка замешан в этом по уши. И деньги, собранные с хуторян, уходили именно ему, и старосту укокошили по его приказу. На мой взгляд, человек, уничтоживший семью собственного брата, способен на все.

К счастью, хозяин Ростовского княжества пока не давал о себе знать. Но, думаю, наша с ним встреча не за горами. Чем

она может закончиться? Да ничем хорошим. И как противостоять своему могущественному врагу, я понятия не имела.

Ладно. Об этом подумая потом.

Решительно откинув тяжелые думы о грядущих проблемах, я сосредоточилась на предстоящей встрече с хуторянами. До нее осталось-то всего ничего.

В размышлениях время пролетело незаметно, и когда инфокапсула дрогнула, плавно возвращаясь в горизонтальное положение, я безмерно удивилась. Неужели прошло три часа?

Помня, что сковывающий меня «лед» первоначально был жидким, на всякий случай зажмурилась. Вскоре почувствовала на спине сильные руки, а после и твердую поверхность под ногами. Не размыкая век, потрогала лицо. Сухое. Открыла глаза и осмотрела свою одежду. Удостоверившись, что она в полном порядке и на ней нет ни следа молочно-белой жижи, вопросительно посмотрела на инквизитора.

— Все прошло успешно, — сообщил Алекс. Взял меня за руку и повел на выход из зоны аппаратного обучения. — Ты стихи в школе учила?

Я с недоумением воззрилась на спутника.

— Ну да, как и все.

Александр закрыл дверь на «белую территорию», остановился неподалеку от стеклянной перегородки, отпустил мою руку и пояснил:

— Распаковка пакетов информации аналогична воспро-

изведению в памяти выученного стихотворения. Первый раз «вспоминать изученное» рекомендую в одиночестве. Например, где-нибудь на природе или лежа в кровати. Так проще воспринять, сколько всего теперь знаешь, — он усмехнулся, — из того, что считала невозможным.

Шагнув назад, инквизитор повернулся ко мне боком, и через пару секунд над полом открылся портал. Серебристая дымка, закрывающая проход, не позволяла увидеть, куда он ведет. Я обернулась к Алексу. В груди заняло от нехорошего предчувствия.

— Извини, сопроводить тебя на встречу с хуторянами не смогу. У меня образовались срочные дела, — произнес он ровным тоном. — Я сбросил на твой мобильный контакт моего хорошего знакомого. Если в мое отсутствие понадобится помощь инквизитора, звони ему без стеснения.

И что же за дела такие срочные у него внезапно образовались? Хотя догадываюсь.

— Ты из-за меня сильно влип, да?

Александр поморщился и глянул так, что стало понятно: говорить на эту тему он не намерен.

— Выйдешь у дома Степана. Позвоню тебе, как станет доступна связь. Все, иди.

Он повернул меня за плечи к portalу, а затем мягко, но ощутимо толкнул между лопаток.

По инерции шагнув вперед, я очутилась на поляне. Прямо передо мной метрах в тридцати стоял солидный деревянный

дом, окруженный высоченными дубами.

Обернулась. Проход исчез.

Ну вот что за человек, а?! Нет, понятно, не хотел расстраивать. Но неужели реально думает, что мне так будет спокойнее? Мужчина, мать его!

Сердито поджав губы и буквально кипя от негодования, я огляделась.

Покой, тишина. От воды тянуло приятной прохладой, пахло травой и какими-то цветами. Молодец Степан, прекрасное место для дома выбрал: и лес рядом, и река неподалеку.

Вдохнув полной грудью вкусный воздух, я шумно выдохнула, возвращая душевное равновесие, и направилась по тропинке к дому.

Ступеньки добротного крыльца привели меня к входной двери. Я подняла руку, намереваясь постучать, но не успела: дверь распахнулась. Стоящая в проеме Ефросинья сначала смотрела на меня с тревогой, но потом ее глаза засияли такой любовью, что сердце защемило.

Я смущенно улыбнулась, понимая, что заставила названую мать волноваться. Обещала-то прийти ночью, а на дворе уже утро, и отнюдь не ранее.

— Вот и я. Как вы тут устроились?

— Здравствуй, доченька, — улыбнулась в ответ Ефросинья. В ее голосе не слышалось ни капли упрека. — Заходи давай. Ты, поди, еще не ела? Я какао сварила, и блины горя-

чие.

Я вспомнила сиропо-чай, приготовленный Алексом, незаметно передернулась и радостно кивнула. От такого завтрака точно не откажусь!

Внутри дома, как и снаружи, стены не отделявали, сохранив всю красоту леса-кругляка. Деревянный пол тоже не красили и не покрывали лаком, но доски подогнали идеально. Как ни приглядывалась, я не заметила ни одной щели. А еще он был настолько гладким и чистым, что вопрос, разуваться или нет, не возникал.

Сняв кроссовки, я поставила их у стойки-вешалки и прошлепала следом за названной матерью по небольшому коридорчику.

— Прежде чем тебя кормить, быстренько расскажу, что тут и где, — остановившись, объявила Ефросинья. — Степан-то ну настоящий хозяин! В доме все удобства, даже газ умудрился подвести! Комнаты большие, светлые, и не вагончиками по кругу расположены, как здесь принято, а отдельные. Всего их четыре. Санузел там. — Она указала пальцем в конец коридора. — Слева комната для тебя, моя рядом. Справа гостиная, но Степка на деревенский манер называет ее залой. А здесь, — Ефросинья кивнула на закрытую дверь, — Наталья обосновалась.

Услышав в голосе женщины тревогу, я нахмурилась.

— Как она?

— Переживает. Очень переживает. Оно и неудивительно

в ее ситуации. — Ефросинья печально покачала головой. — Вчера, с тех пор как ты ушла со своим инквизитором, Наташа ни словечка не проронила. Степан пытался с ней общаться — и когда нас сюда вез, и потом, когда рассказывал, что где находится. Да куда там! Молчит, будто воды в рот набрала. А как только он на мотоцикле укатил ночевать к матери, сразу же к себе ушла. От ужина отказалась. Я к ней минут сорок назад заглядывала, предлагала поесть. Сказала — не хочет, а сама лежит на кровати и не мигая в потолок смотрит. — Названная мать взяла меня за руку. — Машенька, ты бы поговорила с ней, а? Я пока пойду вам на стол накрою.

Какая же Ефросинья все-таки чудесная! Повезло мне с ней!

— Скоро будем, — уверенно пообещала я. Подбадривающе улыбнулась и отправилась общаться с Наташей.

Пару раз стукнув костяшками пальцев по дверному полотну, нажала на ручку и зашла в комнату, щедро залитую солнечным светом. Подруга лежала на заправленной постели, свернувшись калачиком.

Горе мое луковое.

Подойдя, я села рядом с девушкой. Ласково коснулась ее роскошных пшеничных волос.

— Не знаю, что мне делать, — не глядя на меня, тихо произнесла Наташа. — Я вижу эту искорку, она теплая, живая. Разве можно ее убить? Но если рожу, бабы меня заплюют, а мать отвернется. Как же, гулящая, принесла в подоле!

Восемнадцатилетняя красавица повернула голову. В ее глазах было столько душевной муки, что мне самой стало тошно.

Я положила руку ей на плечо, легонько сжала.

— Время у тебя еще есть. Какое бы ты ни приняла решение, уверена, оно будет взвешенным и обдуманым. Запомни, пожалуйста: ты не одна. И пусть формально ты слуга княжеского рода Алайских, но на деле я считаю тебя сестрой. Что бы ни случилось, я на твоей стороне.

Судорожно сглотнув, Наташа рывком села и стремительно меня обняла.

— Спасибо, — прошептала она на грани слышимости.

— В семье своих не бросают. А теперь вставай, пойдем завтракать. Дел у нас с тобой сегодня валом.

Наташа отстранилась, посмотрела на меня озадаченно.

— Каких?

— Вот те раз! — притворно удивилась я. — Нам с тобой, сестренка, надо пашни осматривать и экстренно придумать, чем их засеивать. Иначе на долги по налогам набегут такие пени, что за головы с тобой будем хвататься. Опять же, всякие-разные организационные вопросы на хуторе накопились. Например, медпункта здесь нет. Люди болеют, а помочь им наверняка некому. Я-то не лекарь, но вот вы с Ефросиньей... Кому, как не вам, этим вопросом заняться? И еще я назначила хуторянам сходку в десять на центральной площади. Ты мне там нужна для моральной поддержки. В

общем, подъем!

Несколько секунд Наташа сидела и просто хлопала ресницами, переваривая мою прочувствованную речь. А потом вскочила и бросилась к шкафу.

Заметив, с каким сосредоточенным лицом она берет с полки одежду, я про себя довольно хмыкнула. Подруга отреагировала именно так, как и ожидалось.

Оставив Наташу одеваться, я поднялась с кровати и пошла к приоткрытому окну. Какая же красота! Небо — синее-синее, птички где-то поют.

— Ну и что ты там увидела? — строго спросила Наталья. — Пошли, а то до встречи с местными и поесть толком не успеешь!

Я повернулась к уже переодевшейся подруге. Неожиданно душу остро кольнуло. Откуда-то пришло предельно четкое знание: на хуторе совсем скоро случится что-то по-настоящему плохое.

Карцер Ростовской школы магии

Князь Меньшиков сидел на жестком топчане, откинувшись на прохладную бетонную стену, и смотрел в пустоту перед собой. Ничего интересного там, конечно же, не было. Карцер — это каменный мешок, тускло освещаемый одинокой лампочкой. Единственный путь наружу — через дверь, иначе отсюда выйти невозможно. Развлечений для проштра-

фившихся студентов-инквизиторов здесь не предусмотрено.

Алекс обреченно вздохнул, прижался затылком к стене и закрыл глаза.

Два месяца. Шестьдесят один день. Тысяча четыреста шестьдесят четыре часа. Сидеть взаперти, еще и так долго, приятного мало. Но он ничуть не жалел, что помог Маше обрести нужные знания. К тому же князь отдавал себе отчет, на что шел: в этих «чудесных апартаментах» ему уже доводилось бывать. Давно, еще на первом курсе. И, само собой, из-за Филя.

Как-то в ресторане этот любитель женщин чересчур навязчиво оказывал знаки внимания одной красотке. Ее спутнику это не понравилось, все закончилось грандиозной потасовкой, Филя угодил в больничку со сломанной ногой. Алекс же, как лицо не пострадавшее, но участвовавшее в кулачных боях, отправился сюда.

Так что ограничение свободы — фигня. Главное, чтобы, пока он тут прохлаждается, с Машей ничего не случилось.

Две глубоких вертикальных складки пролегли между бровей инквизитора. О помощи и негласном пригляде за княгиней Алайской он успел договориться с надежным человеком, тот не подведет. И все же на сердце было беспокойно.

Послышался противный скрип специально не смазываемых петель. Алекс повернул голову на звук и тут же слетел с топчана, вытягиваясь по стойке смирно.

— Тебе так понравилось здесь отдыхать? Решил перед вы-

пуском вспомнить былое? — беззлобно спросил верховный инквизитор, входя в мрачную комнатуху.

Не отвечая на риторические вопросы, Александр не отводил пристального взгляда от Егора Дмитриевича. Почему он пришел сейчас? Что-то произошло? Или должно произойти?

Визитер усмехнулся с седую бородку.

— Ну что, ученик, мне начинать плести словесное кружево или, как всегда, предпочтешь разговор начистоту?

— Второе.

— Я и не сомневался, — обронил Егор Дмитриевич. — Ты сядь, а то мне смотреть на тебя неудобно, шея затекает. Вымахал, каланча.

Александр выполнил просьбу, уже не сомневаясь: походу, случилось или случится что-то очень серьезное. И следующие слова Егора Дмитриевича подтвердили его догадку.

— Твои иногородние коллеги сегодня трудятся в поте лица с четырех утра: по всей территории империи открылось множество аномалий. В течение получаса в самом Ростове и близ него также ожидается серия прорывов. Как тебе известно, по протоколу сотрудники инквизиции ликвидируют аномалии от высшего класса к низшему. Соответственно, на прорыв в хуторе Большой Лог они придут спустя пятнадцать минут. Раньше никак. Хочешь выйти отсюда и помочь княгине Алайской сдерживать монстров?

Мысленно выматерившись и подавив желание вскочить, Алекс снизу вверх посмотрел на провидца.

— Вы знаете ответ, учитель. Что взамен?

Глава 4

Наташа старалась поймать сеть. Она ходила по двору, крутясь из стороны в сторону, высоко поднимала руку с мобильным... Судя по недовольно поджатым губам — без толку.

Опершись о деревянные резные перила, я стояла на крыльце и отрешенно наблюдала за девушкой. На сердце было все так же беспокойно. Более того — тревога усиливалась.

Почему перестали работать телефоны? Какой-то масштабный технический сбой? Или тут что-то иное?

Хлопнула входная дверь, слышались шаги. Повернув голову, я увидела Ефросинью. Избавившись от платка и сменив свой обычный бабушкин наряд на приталенное легкое светлое платье, названная мама заметно похорошела и помолодела.

Я тепло улыбнулась женщине.

— Ты у меня такая красивая!

— Спасибо, доченька. — Она смущенно порозовела, а после озадаченно посмотрела на Наташу. — Что это с ней?

— Мобильные в доме совсем перестали работать. Пытается отсюда Степану дозвониться.

— Степану? Неужто так и не объявился?

— Угу, — я кивнула.

— Странно. Он же грозился приехать к половине девято-

го, а уже десятый час. Парень-то ответственный, всегда обещания выполняет.

Промолчав, я неопределенно пожала плечами. Мало ли что человека задержало? Всякое бывает. А вот исчезновение мобильной связи — ненормально.

Вновь посмотрела на Наташу. Подруга сунула телефон в задний карман джинсов, подошла к нам.

— И тут не ловит, — признала она мрачно. — Отсюда до центра минут тридцать топать. Если не хотим опоздать на встречу или нестись как угорелые, предлагаю выдвигаться. Не вижу смысла Степку ждать. Зря на него понадеялись.

— Может, у Степана дела срочные появились? — мягко предположила Ефросинья.

— Ну да, ну да. Мужики все одинаковы: горазды языками трепать, а потом у них «дела»! — Наташа скептически фыркнула. — Жаль, сама за рулем ездить не умею. Автомобиль-то вон, на заднем дворе под навесом стоит, и даже ключи на сиденье лежат. А нам грязюку ногами месить придется. После вчерашнего ливня дорога наверняка еще не просохла, и наш гостеприимный хозяин прекрасно об этом осведомлен. Но он же весь в делах да заботах!

Как-то она слишком взъелась на Степана. Нет, я согласна, идти по грязи — сомнительное удовольствие, но реакция подруги какая-то чересчур бурная.

Стоп! У нас есть машина?!

— Ты о каком автомобиле говоришь? О том, на котором

нас Алекс в хутор привез?

— Об этом, конечно. У Степки, кроме мотоцикла, техники нет. Ладно, хватит о нем. Много чести. Идем, что ли?

— Мы не пойдем, а поедем, — объявила я и, заметив недоумение на лицах Ефросиньи и Наташи, усмехнулась. — Показывайте, где машина стоит.

Подруга глянула на меня изумленно. Но, похлопав ресницами, видимо, пришла к какому-то выводу, пожала плечами и жестом предложила следовать за ней. Мы все дружно направились на задний двор.

Роскошный седан князя Меньшикова действительно стоял под навесом. Я взяла с сиденья ключи, села за руль. Быстро осмотрела водительское место, радуясь схожести местного автопрома с привычным мне, и без каких-либо затруднений завела двигатель. Тот сыто заурчал.

— Мань, ты уверена? Может, пешочком пройдемся? — с опаской предложила Наташа, при этом все же устраиваясь на пассажирском сиденье.

Подмигнув настороженной девушке, я глянула в зеркало заднего вида на захлопнувшую дверь машины Ефросинью. Лицо названной мамы было таким сосредоточенно-задумчивым, что в моей голове появились сомнения. Стоит ли демонстрировать навыки, которыми Машка-дурочка в принципе обладать не может?

Хотя, собственно, чего я заморачиваюсь? Минувшей ночью меня вообще научили боевым техникам, а тут всего-то

вождение! Если мама спросит, скажу, что и оно оттуда же.

Уверенно выехав из-под навеса задним ходом, я лихо развернулась и поехала по колее к виднеющейся впереди дороге. Та и вправду оставляла желать лучшего, но мне ездить по грязным проселочным дорогам не впервой. Мы аккуратно переползли громадные лужи, объехали ямы и выбрались на гравийку. Я увеличила скорость.

— Ты умеешь водить... Я в шоке! — осипшим голосом сообщила Наташа. — Когда успела научиться? Такое чувство, будто лет десять за рулем!

Почти угадала. Семнадцать. Но, само собой, говорить об этом я не стала, ограничившись загадочной полуулыбкой.

За окном проплывали поля. Без единой травинки.

Выходит, на моей земле вообще ничего не растет, даже сорняки. И что с ней делать? В душе не чаю. А если посоветоваться с ректором? Не за красивые же глазки его назначили руководителем школы магии. Глядишь, чего дельного подскажет.

— Маш, — позвала подруга, отвлекая от размышлений.

— Что?

— Да про медпункт вспомнила. Затея хорошая, но не выйдет у нас пока с ним.

— Почему так думаешь? — подала с заднего сиденья голос Ефросинья.

— Под него же здание требуется, — пояснила Наташа, повернувшись к ней. — Причем не халупа бесхозьяная, а нор-

мальное. На стройку нужны деньги, а у Маши их нет. Ну и где нам взять дом? Разве что Машка поедит по хутору, выбирает да приглянувшийся изымет. Но это такой себе вариант.

Ошарашенная услышанным, я повернула голову к подруге.

— В смысле — заберу?!

— На дорогу смотри! — прикрикнула та и уточнила: — Ты реально не знаешь, что у тебя, как у хозяйки земли, есть такое право?

— Впервые слышу.

— О как, — растерянно пробормотала Наташа.

— Машенька, простые люди, будь то купцы, мещане или крестьяне, не могут владеть землей или недвижимым имуществом, — взялась объяснять Ефросинья. — На имперских землях жить попроще и посвободнее: государевы люди обычно крепко держатся за свои места и откровенным самодурством не занимаются. Главное — плати за землю вовремя, и проблем не будет. А вот у аристократов расклад другой. Хозяину-дворянину ничего не мешает из прихоти снести целиком деревню, и на жителей ему плевать. Или продать деревеньку другому дворянину. А тот, в свою очередь, берет и заселяет ее пришлыми, местных же — выгоняет. И никто таким хозяевам слова против не скажет. Они в своем праве.

Возмущенная драконовскими законами, я стиснула руль. Охренеть!

Вспомнился разговор с нотариусом. Только теперь до меня дошло, что он имел в виду, говоря: «Хутор Большой Лог принадлежит вам». Я-то решила, что речь о земле! И, получается, хуторяне жили целых восемнадцать лет в святой уверенности, что земли имперские. А тут наследница нарисовалась, еще и объявила: староста им врал, он их обкрадывал, долгов же накопилось — мама не горюй! Бедные люди, они ведь не понимают, чего от меня ожидать!

При въезде в деревню я сразу же сбросила скорость. Мало ли какая животина решит перебежать на ту сторону? Внимательно следя за дорогой и прилегающей к ней территорией, сухо заметила:

— Да, с деньгами туго, но ничье жильё изымать не стану. Это неприемлемо. Что касается помещения под медпункт. Пока финансовая ситуация не улучшится, прием больных вполне можно вести на первом этаже княжеского дома. Сами поселимся на втором. Как считаете?

— Мне нравится, — торопливо ответила Наташа.

— Так даже удобнее, — одобрила идею и Ефросинья. — Но ты учти, дочка, это новшество для крестьян будет очень необычным. И поначалу, чего бы хорошего ты для них ни делала, они ко всему станут относиться с опаской и недоверием.

— Учту, — кивнула я и глянула на часы, вмонтированные в приборную панель.

До «сходки» еще целых полчаса, ехать к месту встречи

рано. Сидеть на площади в машине, дожидаясь, когда соберется народ, — не вариант. Такое поведение хуторяне воспримут как слабость. Думаю, мне даже лучше немного задержаться.

Душу все сильнее сжимали невидимые тиски, предчувствие беды с каждой минутой усиливалось. Так, надо отвлечься.

— Машенька, давай к Степану в слесарку заедем? — вся-ма кстати предложила Ефросинья. — Время еще есть, да и нам по пути. Вот на той развилке сверни направо и прямо до конца.

Как только машина повернула, Наташа демонстративно сложила руки на груди и неодобрительно поджала губы, но я сделала вид, что не заметила такой реакции. Не хочу сейчас разбираться с ее тараканами.

Внезапно на дорогу выскочил размахивающий руками мужик — глаза ошалелые, рубашка расстегнута, майка в крови. Заметив нашу машину, он рванул навстречу, не переставая махать окровавленными руками.

Затормозив, я опустила стекло.

— Что случилось?

— Беда! — тяжело дыша, выпалил мужик. — Степка поспешил, дурак такой! Без сетки колесо подкачивал, а крепежный болт взял да сорвался! Степке диском ноги оторвало! Кровищи — море!

— Боже... — побледнев до синевы, выдохнула Наташа.

— Тама он, в слесарке! — мужчина ткнул пальцем на запахнутую калитку. — Дышит аль нет, не пойму! Лекарь нужен!

— Ворота откroyте! — властно приказала я.

— Ща сделаю!

Мужик со всех ног помчался обратно, а я повернулась к заднему сиденью. Названная мать поняла без слов.

— Ты заезжай, а мы к Степану, — кивнула она и скомандовала: — Наталья, за мной!

Хлопнула дверца — это Ефросинья стремительно покинула салон. Но Наташа не спешила следовать ее приказу. Серо-зеленая девушка судорожно сглотнула, словно в замедленной съемке потянулась к ручке, толкнула дверцу и выбралась на улицу.

Я проследила, как названная мать, а за ней и подруга входят в калитку, и побарабанила пальцами по рулю. Текли секунды, но ворота все не открывались.

Да что он там возится?!

Наконец створки ворот нехотя разошлись. Заехав во двор, я остановила машину неподалеку от входа в длинное явно нежилое здание. Затем предусмотрительно открыла заднюю пассажирскую дверь и побежала в слесарню.

В ярко освещенном помещении стоял запах масла, резины и крови. К горлу подкатила тошнота. Стараясь дышать через раз, я пошла вдоль мощного грузовика: у его заднего борта белело светлое платье Ефросиньи.

Подойдя ближе, наткнулась на застывшую соляным столбом Наташу. Да ладно?! Вообще ничем не помогает, что ли?!

Мысленно чертыхнувшись, дотронулась до ее плеча. Подруга не шелохнулась. Казалось, она даже не наблюдает за действиями своей потенциальной наставницы. При этом на ее лице читалась непередаваемая смесь ужаса, злорадства и жалости.

Да что с ней такое?!

Я обошла Наталью и встала так, чтобы не мешать названной матери, но в любой миг прийти ей на помощь, если попросит. И только после этого посмотрела на Степана.

Рыжеволосый парень с по-восковому бледной кожей лежал в луже крови. Почти до самого паха ног у него не было. Ефросинья стояла перед ним на коленях, беззвучно шевеля губами, и вырисовывала на его теле символы. Складываясь в замысловатый узор, те ярко вспыхивали и медленно гасли.

— Шо тама? — послышался сбоку от меня громкий шепот.

Вздвогнув от неожиданности, я наградила вопрошающего строгим взглядом. Мужик глухо кашлянул, сконфуженно почесал плечо.

— Усыпила, болевой шок сняла, кровотечение остановила. Жить будет, — объявила Ефросинья, поднимаясь с коленей.

— Куды его теперича? Домой? А мож, в городскую больничку отвезем? — предложил мужичок.

— Михей, о чем ты? Какой смысл его в город везти? — Ефросинья поморщилась. — В бесплатной больнице Степану не помогут: лекарей с таким уровнем знаний там отродясь не водилось. А платную клинику Лукерья не потянет, вряд ли у нее в кошельке полмиллиона завалялось.

— И то верно. — Михей сокрушенно вздохнул. — Жаль Степку, хороший парень-то. Кому он таперича будет нужен обрубьшем? Токмо шо мамке.

— Неужели ничего больше сделать нельзя? — едва слышно спросила Наташа. Ее голос напоминал шелест осенних листьев.

— Отчего же? — возразила Ефросинья. — Отрубленные ноги Степана вон там, возле верстака валяются. Методика восстановления раздробленных костей с последующим приживлением ампутированных конечностей мне известна, силы на всю процедуру хватит. Но вот дальше потребуется круглосуточное наблюдение за пациентом и определенные лекарские манипуляции. При всем желании в таком режиме я одна долго не протяну, а на тебя, как понимаю, рассчитывать не стоит. Я права, Наталья?

Глава 5

Наталья Лукьяненко

Повисла тишина. Густая, хоть ножом режь.

Наташа стояла под прицелом трех пар глаз и не мигая смотрела на покалеченного Степана, лежащего в луже крови. Но видела не его, а совсем другого человека: студента-инквизитора Михаила Меньшикова. Мужчину, которому она поверила. Мужчину, которому отдала девичью честь. Мужчину, который ее использовал, унизил и выбросил как грязную ветошь. Тварь и сволочь. Все мужики — твари и сволочи!

«Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!» — стучало в висках.

Раненый парень тихонько застонал, и этот едва слышимый звук показался Наташе хлесткой пощечиной. Красавица вздрогнула. Рвано вздохнув, прижала кулак ко рту. Ее щеки и уши запылали. Сгорая от стыда, она подняла виноватый взгляд на Ефросинью.

— Наставница, вы можете на меня рассчитывать.

Облизнув пересохшие губы, Наташа замерла в ожидании ответа, а опытная целительница мимолетно улыбнулась и принялась отдавать распоряжения.

— Оперировать будем в доме Степана. Последующий уход — тоже там. Михей и Маша, мы с вами несем ранено-

го в машину. Наталья, на тебе ампутированные конечности. Поддерживаешь их лекарской силой вплоть до процедуры приживления. Начинай сейчас. Знаешь, как это делать, или объяснить?

Наталья покачала головой. Догадавшись, что такой ответ можно трактовать двояко, пояснила:

— Знаю. Какая нужна плотность энергетического потока? Много выдать не смогу, дар слабый.

— Вообще-то, сможешь, — возразила Ефросинья. — Со вчерашнего дня характеристики твоего магического ствола изменились, но мы обсудим этот момент позже. Что касается плотности потока — минимальной достаточно. Учти, энергопоток должен равномерно распределяться между конечностями. — Целительница хлопнула в ладоши. — Все! Хватит прохлаждаться! За работу!

Шокированная убойной новостью о собственном даре, красавица заторможенно развернулась и пошла выполнять приказ наставницы.

— Михей, берите Степана под мышки, — послышался за спиной Натальи голос Маши. — Мы с матушкой возьмем за торс.

— Матушкой?! — изумленно переспросил Михей. — Матрена, ты, что ль, тоже княгиня?!

— Не мели ерунды! — осадил его Ефросинья. — Бери давай! Да, вот так.

Как наставница и говорила, обе ноги валялись возле вер-

стака. Заметив кость, торчащую из окровавленного человеческого мяса, Наташа почувствовала дурноту, но приструнила свой взбунтовавшийся организм.

Нечего тут! Лекарь она или как?!

Максимально абстрагировавшись от посторонних впечатлений, юная целительница, немного подумав, сняла с себя новую светло-серую кофточку и замотала в нее отрубленные конечности. Прямо так, не освобождая от обрывков штанов. А после без колебаний прижала к груди и сосредоточилась.

Прежде дар неохотно подчинялся ее воле, но теперь откликнулся мгновенно. Ну дела...

Аккуратно поддерживая жутковатый сверток, Наташа быстро вышла из столярки. Яркий дневной свет резанул по глазам. Щурясь, она направилась к автомобилю. Почему-то на улице была только Маша.

— Ефросинья со Степаном на заднем сиденье, — сообщила та, открывая Наташе переднюю пассажирскую дверцу. — Домой вас отвезет Михей.

Неуместное желание посмотреть на физиономию офигевшего селянина, однозначно ни разу не сидевшего за рулем такой шикарной машины, Наташа подавила. Гораздо больше ее беспокоили кровавые пятна, «украшающие» белоснежную футболку Маши. У подруги ведь скоро встреча с селянами! Как она пойдет в таком виде?! Но сказала Наталья почему-то другое:

— Сходка же в центре. Пешком отсюда долго идти, ты не

успеешь.

— Успею. У меня вон, новый транспорт, — усмехнулась княгиня Алайская, кивком указав на мощный мотоцикл Степана.

— Маш, да как же ты одна-то?! Там же будет толпа!

— Справлюсь, — уверенно бросила Мария. Шагнув в сторону, она освободила проход. — Садись.

Наташа отчаянно не хотела оставлять подругу, но понимала, что другого решения просто нет, а потому без дальнейших возражений забралась в салон. Положила на колени пропитавшуюся кровью кофту, бережно обхватила сверток обеими руками.

Маша наклонилась к ее уху.

— Молодец. Горжусь тобой, — шепнула она, отстранилась и захлопнула дверцу.

Наташа растерялась. Да за что ее хвалить-то?! И уж тем более нечем гордиться!

— С богом, — пробормотал Михей, трогаясь с места.

Я смотрела на выезжающий со двора автомобиль и улыбалась. Согласна, выглядела такая реакция, мягко говоря, странно. Молодой парень лишился обеих ног — какое тут веселье?

И все же тихая радость грела сердце. Названная мама обязательно поставит Степана в прямом смысле на ноги, в этом

я не сомневалась. Но еще, как эмпат, ощущала: именно эта трагическая случайность помогла Наташе. Подруга вовремя поняла, а главное — приняла очень важную, но в целом очевидную вещь.

Все мужчины разные!

Если один мерзавец смачно харкнул тебе в душу, то это не значит, что все представители сильного пола — сволочи! Наташа запросто могла бы перенести ненависть к одному мужчине на остальных, а потом всю жизнь свято верить, что «все мужики козлы». Но подруга справилась.

Или взять мою ситуацию. Муж меня предал, причем сделал это, когда я была смертельно больна и беспомощна. И что? Да, считаю его подонком. Да, к браку теперь отношусь крайне настороженно. Да, пока не горю желанием вступать в серьезные отношения. Но на этом все. Я получила уникальный шанс, и спускать новую жизнь псу под хвост не собираюсь!

Еще в том, прошлом мире, когда я лежала в онкологии, изо всех сил стараясь не умереть, до меня дошла простая истина: прошлое влияет на настоящее.

Люди научились выживать, но жить не умеют.

Парадокс, но порой мы не замечаем, какой мусор тащим за собой из прошлого. Любой нормальный человек стремится избавиться от бардака в своем доме, а вот в голове у большинства жуткая грязь. И мало кто задумывается о том, чтобы проводить там генеральную уборку. А в особо за-

пущенных случаях и вовсе требуется помощь клининговой службы в виде психиатра.

Зачем люди сами себе упорно портят жизнь? Кто ж его знает.

Под эти философские размышления я закрыла ворота, пошире распахнула калитку и направилась к мотоциклу. Хотя вернее сказать — к черному монстру.

Ну давай знакомиться, чудо-юдо.

Внимательно оглядев свое новое транспортное средство, облегченно выдохнула. На руле, рядом с правой ручкой, красовалась весьма недвусмысленная красная кнопка.

В той, прошлой жизни мне доводилось самой ездить на мотоциклах. Нет, профессионалом меня не назвать, но и в первый же кювет не свалюсь. И все же было страшновато.

Не дрейфь, Маша! Все получится!

Убрала подножку, надеясь, что с аккумулятором все в порядке и не придется заводить с «лапки». Хвала богам, железный конь и не подумал падать. Вряд ли у меня хватило бы сил его поднять: слишком уж большой. Села на сиденье, уперлась ногами в землю, надела на голову шлем. Выжав тормоз, нажала на кнопку, запуская двигатель.

Уф-ф-ф. Поехали.

Пудобнее взялась за руль. Глубоко вдохнула, собираясь с духом, и резко крутанула ручку.

Черный монстр, взревев, рванул с места. Удачно пролетев через калитку, я выскочила на дорогу и, лихо входя в пово-

роты, помчалась к центральной площади. Как проехать, более-менее представляла: нотариус не зря устроил онлайн-показ моих владений.

От бушующего в крови адреналина, а, возможно, и от страха пульс зашкаливал. Копающиеся в земле куры, слышав рев двигателя, с заполошным кудахтаньем разбегались. А ведь калитка во двор столярки осталась открытой. Нет уж, возвращаться точно не буду. И так уже безнадежно опаздываю.

До пункта назначения не доехала — долетела. Заметив собравшуюся толпу, заблаговременно сбросила скорость, но звук мощного мотора не остался незамеченным. Мужчины и женщины поворачивались и расступались, освобождая проезд. Не видя под шлемом лица незнакомой байкерши, они озадаченно переглядывались. А опознавая мотоцикл Степана, смотрели с подозрением, кое-кто и с откровенной угрозой.

Что это с ними?

Запоздало вспомнив, что на белой футболке отлично видны пятна крови, мысленно застонала. Куда хуторян унесет фантазия? Не удивлюсь, если они решат, что Степан не желал расставаться с мотоциклом, и самодурка-княгиня, недолго думая, парня уколошила.

Час от часу не легче! Ладно, разберусь.

Подрулив к неработающему фонтану, я заглушила двигатель. Ступней отщелкнула подножку, обезопасив мотоцикл

от падения, и посмотрела на фонтан. В центре высоченной, в мой рост, квадратной чаши возвышалась статуя. Судя по крыльям и перьям — птицы, но с мордой и хвостом рыбы. Чье туловище — и вовсе понять не удалось.

Уж не знаю, что хотел сказать абстракционист-архитектор, создав в центре деревни свою шедевр, но ширина и высота гранитного бортика для моих целей прекрасно подходили. Жаль только, с земли не залезу. И не запрыгну.

Эх, прости, Степа.

Самым наглым образом я встала кроссовками на кожаное сиденье мотоцикла. Игнорируя боль в непривычных к таким нагрузкам бедрах, забралась на импровизированную трибуну, выпрямилась и повернулась лицом к народу. Сняла шлем.

Слаженный изумленный возглас сотен людей пролетел по воздуху. Хуторяне зашевелилась, зашептала. С каменным выражением на лице я ждала, пока они обсудят мое фееричное появление, заодно высказав мнения, откуда у меня мотоцикл Степана и почему вся одежда в «кровишши».

Вариантов накидали разных, один другого хлеще. Особенно ретивая бабулька-божий одуванчик заявила, что собственными глазами видела, как я огрела бедного парня поленом. Хоть не топором.

Осознавая, что говорливые крестьяне запросто могут болтать до самой ночи, я положила у ног мешающий шлем и, бесстрастно глядя в толпу, заговорила:

— Приветствую вас, жители хутора Большой Лог! Для тех, кто меня вчера не видел, представлюсь. Я — княгиня Мария Георгиевна Алайская, законная наследница этих и близлежащих земель. Предвосхищая дальнейшие домыслы и сплетни, скажу сразу. На моей одежде действительно кровь Степана. Сегодня в столярной мастерской произошел несчастный случай: во время подкачки колеса сорвался крепежный болт, Степе диском отрезало обе ноги.

— Сыночек! Как же?! — воскликнула светловолосая крупная женщина и зажала рот руками.

Наверное, это мать Степана. Как же ее зовут? Имя крутилось в голове, но никак не давалось. Так его и не вспомнив, я пристально посмотрела на мертвенно-бледную женщину.

— Ваш сын в надежных руках. Моя названная мать обладает лекарским даром. Она сделает все возможное, чтобы Степан вновь смог ходить.

Убитая горем женщина даже не пошевелилась.

Мой активный дар эмпатии говорил: хуторяне не верят. Я обвела потяжелевшим взглядом людей. На лицах сомнение, скепсис. Вот почему, а? В плохое поверили мгновенно, в хорошее — никак?

— Эт ты про Мартену, чо ли? Так она простая знахарка! Куды ей! — пренебрежительно выкрикнул плюгавый мужичок с мерзопакостными тараканьими усиками над верхней губой. — Скажи лучше, куда дочку мою подевала?! Жена одна с младшими да по хозяйству колотится! Нечего Наташ-

ке невесть где шастать! Иль с ней, как со Степкой, несчастье какое приключилось?! Ась?!

Хуторяне заволновались. Удушливый всплеск злости, страха и ненависти множества людей с силой ударил по моим натянутым до предела нервам. Да блин! Вернуть бы вам всю эту мерзость обратно!

Внезапно осознала: стоит захотеть, и толпа, все до единого, начнет дрожать от страха и безостановочно мне кланяться.

Нет!

Чудом сохранив самообладание, я деактивировала опасный дар от греха подальше.

— Че молчишь-та? Сказать честному народу нечего, а, хозяйка?

Усатый самоубийца ехидно ухмыльнулся. Насколько помню, он без зазрения совести продал падчерицу на опыты.

Капец тебе, урод.

Прищурившись, я многозначительно усмехнулась. Выудив из памяти нужную боевую технику, плавно подняла руку и, глядя в глаза ничтожной твари, прикидывающейся мужчиной, крутанула кистью.

Мужик с громким воплем провалился в асфальт.

Застряв по плечи в мгновенно затвердевшем покрытии, мерзавец заорал дурниной. Стоящие рядом с ним хуторяне дружно отпрянули.

— Закрой рот, — приказала я ледяным тоном. — И не

открывай, пока не позволю.

Отчим Наташи тотчас заткнулся. Обливаясь слезами и соплями, он кривил губы, явно желая молить о пощаде, но не осмеливался и пикнуть.

— Никто не смеет со мной так разговаривать. Всем ясно?

Я говорила негромко, но отчего-то голос разносился по всей площади.

Перепуганные мужчины и женщины дружно закивали. Кто-то попытался вымученно улыбнуться, но в основном смотрели заискивающе-подобострастно.

Стало тошно. Даже без активного дара эмпатии настрой хуторян был очевиден: теперь они меня дико боялись. Случилось именно то, чего я так не хотела. Сменится ли их страх уважением? Время покажет. Но унижать себя не позволю.

Внезапно что-то неуловимо изменилось. Через миг я поняла: все звуки пропали. Сама не знаю почему повернула голову направо.

Метрах в пяти над землей раскручивалась чернильно-черная воронка.

Что это за дрянь?

Пахнуло могильным холодом. Волоски на руках встали дыбом. Нутром чувствуя исходящую от воронки смертельную угрозу, я крикнула:

— Расходитесь! Немедленно!

Ни один человек не шелохнулся. Как загипнотизированные, они пялились на неведомую гадость.

Воронка вращалась все быстрее и быстрее. Углядев внутри алые всполохи, я сглотнула ком в горле. А если это прорыв? Ну тот, из которого лезут монстры?

И что дальше? Ждать инквизиторов? Но ведь люди могут погибнуть!

Что делать?!

Мозг лихорадочно искал выход. Чисто теоретически я способна накрыть куполом всех, кто находится на площади. Но зона покрытия слишком большая, защита получится тоненькая, пробить ее — раз плюнуть.

Надо что-то другое!

Так. Навскидку диаметр воронки метра три, максимум три с половиной, и вроде больше не увеличивается. Но время играет против меня.

А если...

Решение, до которого я додумалась, было поистине сумасбродным: раз накрыть непробиваемой защитой хуторян не выйдет, запечатаю проход!

Сконцентрировавшись, воспроизвела в памяти самый сложный многоуровневый защитный конструкт и, неистово молясь про себя всем богам сразу, выкинула руки вперед. Сила хлынула с пальцев ровным, мощным потоком. Спустя миг «дверь» закрыла хитроумная энергетическая полусфера.

Секунды складывались в минуты, в чернильно-черной дыре мелькали белесые силуэты, оскаленные морды. Я даже

умудрилась рассмотреть здоровенные зубы и когти. Но мерцающая голубоватым светом полусфера не позволяла монстрам выбраться. А они пытались, и еще как!

Похоже, моя дурацкая затея сработала. К сожалению, защита конкретно так тянула из меня силу. Долго не продержусь.

Должна!

Сжала зубы. Энергия утекала как вода сквозь пальцы. Мышцы подрагивали, их то и дело сводило судорогой. Злые слезы катились по щекам, но защиту я держала.

Когда показалось, что еще немного — и конец, кто-то встал за спиной. Не успев удивиться, ощутила сильные мужские руки на своих онемевших предплечьях.

— Умница. Страхую, — раздался позади знакомый голос.

Глава 6

Алекс?! Откуда он взялся?!

Видимо, от облегчения, что я больше не одна, мышцы во всем теле ослабли. В ответ сразу же вильнул и задрожал текущий с пальцев поток силы. Мерцающая голубым полусфера мгновенно среагировала: потускнела, начала истончаться.

Запертые в черной дыре твари, словно предчувствуя скорое освобождение, засуетились. Казалось — даже с каким-то торжеством и предвкушением.

Что-то рановато я расслабилась. А ведь ничего еще не кончилось.

Неимоверным волевым усилием вновь сконцентрировавшись, я для надежности прижалась к инквизитору не только лопатками, но и затылком.

— Какой у нас план действий?

Александр не ответил, и у меня под ложечкой засосало. Значит, то, что предстоит сделать, ему категорически не нравится.

— Говори как есть, — попросила тихо.

— Времени у нас в обрез. Я могу перехватить контроль над защитой и закрыть прорыв, но придется работать через твою заблокированную ветвь светлого мага. Тебе будет больно.

Больно?! От воспоминаний, через какой ад прошла, когда эту самую ветвь блокировал верховный инквизитор, по спине пробежал холодок страха.

Сжав челюсти, пошире расставила ноги.

— Работай, — бросила сухо и приготовилась.

По крайней мере, думала, что приготовилась. Но хлынувшая по венам раскаленная лава оказалась полной неожиданностью. Чужая энергия будто сжигала изнутри, ноги подкашивались, сознание уплывало.

Алекс не сказал, что от меня требуется. Да я бы ничего и не смогла сделать: все мои силы уходили на то, чтобы просто не упасть. Но как же это было сложно! Неимоверно!

Выдержу.

Сквозь пелену слез я наблюдала, как моя голубоватая полусфера постепенно расширяется, уплотняется, становится ослепительно белой. Одновременно и огонь в моем теле становился все злее, невыносимее.

Из горла рвался крик, но я сдерживалась, кусая губы. Рот заполнил вкус крови, и в сознании я оставалась лишь благодаря морально-волевым усилиям и мысленным уговорам.

Еще немного. Я вытерплю. Я должна.

Внезапно сжирающий внутренности огонь куда-то пропал. Я пошатнулась, но Алекс не позволили упасть. Аккуратно повернул меня к себе лицом, бережно обнял.

— Все? — уточнила я, ткнувшись разгоряченным лбом в его джемпер.

— Все, моя хорошая. Все, — прошептал инквизитор, поглаживая по волосам.

Князь Меньшиков

Александр выложился по полной, до магического истощения. Но хотя сам с трудом держался на ногах, Машу он прижимал к себе крепко. Щемящая нежность, острое желание ее защищать и злость на себя за то, что причинил этой хрупкой девушке нестерпимую боль, смешивались в убойный коктейль.

Умом Алекс понимал, что в этой нештатной ситуации принял единственно верное решение, но душа... На душе было паршиво.

Инквизиторы уже давным-давно установили градацию разрывов межмировой ткани. Самый мелкий — восьмого класса опасности. Его и не закрывали, сам затягивался. С прорывами седьмого-шестого уровня светлый маг вполне справлялся в одиночку. А вот на закрытие аномалий пятого уровня и выше ходили исключительно группами. Над площадью хутора Большой Лог открылся прорыв третьего класса опасности. К приходу спецназа святой инквизиции живых людей здесь бы не осталось.

Когда верховный инквизитор спросил, не желает ли он помочь княгине Алайской, Алекс и предположить не мог, что Маша буквально заткнет прорыв, не позволяя монстрам вы-

рваться. Только эта невозможная женщина могла до подобного додуматься!

И почему до нее никто так не делал?

Ответа у Алекса не было, а вот вопросов — с избытком, особенно к наставнику. То, что потребовал от него Егор Дмитриевич взамен на немедленное освобождение из карцера и возможность помочь Маше, камнем лежало на сердце. Но выбор сделан, клятва дана. Что уж теперь...

Тяжело вздохнув, Алекс чуть отстранился. С тревогой заглянул в лицо Марии.

— Ты как? — спросил обеспокоенно.

— Жить буду.

Она попыталась улыбнуться. Не получилось.

Гул голосов на площади усилился, заставив инквизитора вспомнить о вышедших из ступора хуторянах. Неизвестно, успела ли Маша хоть что-то обсудить с местными, но ее необходимо срочно отсюда уводить. Вопрос: как это сделать? Открыть портал он сейчас банально не сможет.

Мария медленно отстранилась, отпустила рукав его джемпера. Ее тут же повело в сторону, и Алекс, мгновенно среагировав, поймал бледную как снег девушку за талию. Взгляд притянула засохшая кровь на ее белой футболке. Кровь не Маши, это очевидно. Куда она еще успела влипнуть?!

Выдохнув сквозь зубы и придерживая одной рукой княгиню Алайскую, Александр повернулся к насмерть перепуганным крестьянам. Те мгновенно замолчали. Они явно хотели

разойтись по домам, но не осмеливались.

Среди стоящих мужчин и женщин нелепо смотрелся торчащий из асфальта серо-зеленый зарезанный мужик. Никто, кроме Маши, законопатить его туда не мог. Круто она с ним, но он, видимо, заслужил. В любом случае, сейчас Мария проштрафившегося гражданина не освободит, даже если захочет: силы на нуле. Придется хуторянам вручную выколупывать. Ну или ждать, пока Маша восстановится.

Александр перевел взгляд на мотоцикл, припаркованный возле фонтана. На черной обивке сиденья отчетливо выделялись следы подошв. Стало понятно, каким способом миниатюрная девушка забралась на высокий бортик.

— Твой? — он глазами указал на транспортное средство.

С небольшой задержкой Маша кивнула и поморщилась. То ли от тошноты, то ли от слабости, то ли от головной боли. А возможно, от всего и сразу. После такой экзекуции чувствовать себя она должна отвратительно.

Острая жалость ножом полоснула душу мужчины, но князь Меньшиков нацепил на лицо маску невозмутимости, хотя мысленно корил себя на все лады. Спрыгнув на землю, он помог девушке спуститься. Осторожно убрал руки с ее талии, и Маша сразу же прислонилась к гранитному бортику.

— Хуторяне! Встреча закончена! — властно объявил Александр. — Перед тем как разойдетесь по домам, выберите нового старосту! Сегодня вечером пусть он явится к Марии Георгиевне!

Инквизитор отвернулся от толпы, сел на мотоцикл, завел двигатель. Убрав ступней подножку, с тревогой посмотрел на Машу.

Нехотя отлипнув от фонтана, она подошла, но садиться не спешила. Поискала кого-то взглядом.

— Лукерья, как будут новости, Наташа вам позвонит. А этого, — княгиня махнула рукой на мужика, застывшего в асфальте, — если хотите, можете вытащить.

Вцепившись в плечо инквизитора, Мария с явным усилием перекинула ногу через сиденье. Крепко обняла Алекса и уткнулась лицом в его спину.

Хуторяне начали переглядываться, шептаться. Обведя их грозным, предупреждающим взглядом, князь Александр Меншиков неспешно поехал вперед. Народ безропотно расступился, освобождая дорогу.

Отъехав подальше от площади, Алекс снизил скорость до минимума, быстро осмотрелся. Не обнаружив поблизости страдающих любопытством жителей Большого Лога, остановился. Ласково коснулся девичьей руки, лежащей на его животе.

— Как ты там?

— Не свалюсь, — пробормотала Маша, переплетя пальцы в замок. — Не бойся за меня.

Грустно хмыкнув, Александр плавно тронулся с места и направил мотоцикл к выезду из деревни.

Особняк хозяина Ростовского княжества.

Борис Васильевич был твердо уверен, что каждый уважающий себя дворянин обязан жить по распорядку. Поэтому он терпеть не мог командировки: вынужденные отъезды сбивали его с привычного ритма жизни. К счастью, сегодня князю никуда не требовалось ехать.

Обедал он, как и всегда, дома. Как и всегда — строго в отведенное время и в компании жены. Скромно одетая, изрядно поседевшая супруга точно так же, как и в любой другой день, сидела за столом по левую руку от мужа. Привычно не поднимая глаз от тарелки, княгиня ела мало, аккуратно и молча. Иного поведения, как и отсутствия жены за столом, Борис Васильевич не потерпел бы.

Завершив трапезу, князь промокнул губы полотняной салфеткой, небрежно бросил ее на столешницу. Встал. Светлана Никитична, неловко звякнув ложечкой о десертную тарелку, с трудом поднялась и виновато опустила голову. Выглядела она неважно и наверняка плохо себя чувствовала, но князя это не волновало. Супруга не имеет права оставаться за столом, когда он закончил есть. Это табу.

— Стара ты стала, неуклюжа.

Борис Васильевич презрительно скривился. Княгиня, глядя строго в пол, промолчала. Она не имела права менять позу, а уж тем более говорить, пока муж не дозволит. За годы брака женщина четко усвоила, что следует за малейшим на-

рушением правил. Муж вымачивал розги в особом растворе и бил не щадя, утверждая: это ей во благо.

Немного подумав, князь Ростовский решил не наказывать жену. Нет, не потому что пожалел. Ничего подобного. Просто сегодня повар превзошел себя, изумительно зажарив баранью ногу, и Борис Васильевич слегка увлекся. Не стоит нагружать организм физически после плотного обеда. А ну как начнется изжога?

Князь отвернулся от жены и, засунув руки в карманы тяжелого темно-красного халата, степенным шагом покинул столовую. Войдя в библиотеку, взял с журнального столика «Московский вестник», удобно устроился на софе и открыл газету.

Чтение свежей прессы также являлось неотъемлемой частью его ежедневного ритуала. Многие аристократы давно отказались от бумаги, предпочтя получать информацию из сети. Но хозяин Ростовского княжества относился к той категории дворян, кто свято чтит традиции и никогда от них не отступал.

Услышав звук открываемой двери, Борис Васильевич раздраженно нахмурился. Никто не имел права отвлекать его по пустякам в часы отдыха.

Приблизившись, вошедший уважительно поклонился.

— Хозяин, прошу прощения, что побеспокоил. У меня новая информация о Марии Георгиевне Алайской.

Отложив газету, князь грозно посмотрел на начальника

службы безопасности.

— Говори.

Иван, вытянувшись по стойке смирно, подробно доложил о происшествии в хуторе Большой Лог. Закончив, он замер, глядя куда-то в стену поверх головы хозяина и терпеливо дожидаясь указаний.

Князь, свернув газету трубочкой и постукивая ей по раскрытой ладони, погрузился в размышления. Спустя время он довольно хмыкнул и, не глядя на начальника СБ, приказал:

— Организуй на днях мне встречу с этой девкой. Так, — Борис Васильевич многозначительно усмехнулся, — как ты умеешь.

— Будет сделано! — отчеканил Иван, машинально потерев место, где прежде был палец, отрубленный им самим по приказу князя.

— Ступай.

Позабыв и о безопаснике, и о газете, Борис Васильевич устремил взор в окно. На его губах играла предвкушающая улыбка.

Совсем скоро княжество будет восстановлено, в этом он ничуть не сомневался.

Глава 7

Пообещать не упасть оказалось гораздо проще, чем это сделать. Голова кружилась, тошнило зверски, а слабость во всем теле была такая, что и не передать. Конечно, я догадывалась, что со мной: последствия магического истощения. Выложилась ведь по максимуму. Когда-то теперь восстановлюсь? Хотя, раз Александр приказал хуторянам, чтобы свежесобранный староста явился ко мне вечером, значит, уже к вечеру и должно стать полегче. Уф-ф, поскорее бы.

Куда мы, кстати, едем?

Чуть-чуть приподняла голову от спины инквизитора и из-под ресниц осмотрелась. Мотоцикл, оглашая окрестности рычанием, к тому времени выскочил из деревни и мчался по гравийке мимо лишенных растительности полей. Эту дорогу я помнила: она вела к дому Степана. Теперь хоть понятно, куда Алекс меня везет.

Что же можно вырастить на этой земле?

Среди ворочавшихся вяло и неохотно мыслей промелькнула дельная, но быстро пропала, оставив после себя смутное беспокойство. Тошнота то подкатывала к горлу, то отступала, какое уж тут думать!

Божечка, как же мне паршиво...

Сглотнув омерзительную горечь, снова уткнулась лицом в

мускулистую мужскую спину. Минуты тянулись как нагретая на солнце резина. Казалось, эта треклятая дорога никогда не закончится.

Вдруг мотоцикл остановился. Алекс заглушил двигатель, накрыл мои пальцы, сцепленные у него на животе, своими.

— Мы на месте. Сама сможешь слезть?

— Угу, — промычала я.

Кое-как отцепила от инквизитора онемевшие руки, немного подалась назад. Сознание моментально поплыло, заставив инстинктивно схватиться за сиденье. Мутило невероятно.

Мотоцикл покачнулся, а потом Алекс бережно снял меня. Вот же... человек-паук.

Я прижалась щекой к груди мужчины, закрыла глаза.

— Спасибо, — прошептала едва слышно.

— Не за что, — устало ответил Александр и понес меня в дом. Зайдя в коридор, спросил: — Где твоя комната?

Моя комната?

Шестеренки крутились в голове со скрипом.

— Последняя дверь справа, — прошелестела, не поднимая век, и почувствовала, как Алекс пошел вперед.

Послышался легкий скрип открывающейся двери, но инквизитор почему-то не спешил входить.

Что-то не так?

Сделав над собой усилие, повернула голову. И чуть не застонала, увидев лежащего на откуда-то принесенном сто-

ле, накрытом окровавленной простыней, Степана. Над ним склонялись юная и опытная целительницы.

Чтоб тебя! Похоже, мы заявили в Наташину комнату, а они здесь проводят операцию!

— Наталья, следи за потоками. Не отвлекайся, — строго напомнила Ефросинья.

Сосредоточенная хуторянка, не отводя глаз от спящего парня, угукнула. А моя названная мать, разогнувшись, цепко оглядела нас с Алексом.

— Право с лево перепутала. Мы шли в мою комнату, — прошептала я и вымученно улыбнулась, уговаривая себя потерпеть и не отключаться. Отчего-то проблема потери сознания вновь стала очень актуальной.

— Где ж вы так выложились-то? — в голосе Ефросиньи отчетливо слышались и укор, и переживания. — Впрочем, об этом позже, — оборвала она себя. — Князь, догадываюсь, на что вы надеетесь, но этот способ сейчас не годится, сами еле на ногах стоите. За домом, неподалеку от навеса, луговой чай ковром разросся. И Маше полезно, и вам она непременно поможет. Все получится. Главное — контакт не теряйте. И не геройствуйте.

То ли я окончательно отупела, то ли матушка изъяснялась чересчур сложно, но из ее тирады я не поняла ровным счетом ничего. В отличие от Алекса.

— Спасибо, я вас услышал, — хрипло поблагодарил он, кивнул целительнице, развернулся и пошел обратной доро-

гой.

Я обессиленно прислонилась к его груди, самой себе напоминая тряпичную куклу. Но при всем желании на самостоятельное передвижение была неспособна.

Нормально ли такое беспомощное состояние? Понятия не имею.

Алекс аккуратно опустил меня на мягкую траву и с облегченным вздохом вытянулся во весь рост рядом.

— Расслабься и не шевелись, — попросил он, накрывая своей рукой мою.

Всего-то? Запросто!

Время тянулось медленно-медленно, но сейчас это ничуть не напрягало. Напротив, это было чудесно. Ласково пригревало солнце, где-то стрекотали кузнечики, уютно шумела листва. Пахло чабрецом, какими-то цветами, землей. Именно от этого аромата, вероятно, перестала кружиться голова и — о чудо! — пропала тошнота.

Улыбка сама собой напозла на губы. Я с наслаждением вдохнула полной грудью.

Благодать...

Моих предплечий что-то коснулось: на грани щекотки, но все же приятно. Я подняла голову, желая посмотреть, что там такое.

Алекс переплел свои пальцы с моими и пробормотал:

— Вернись в прежнее положение и не шевелись. Контакт теряется.

Послушно прижалась затылком к земле, глядя на проплывающие по небу пушистые облака, и затаилась. Долго ждать не пришлось: щекотка возобновилась. Мое тело словно поглаживало множество невесомых перышек, но самое странное — от этой «ласки» я ощущала приток энергии.

— Алекс, объясни, пожалуйста, что Ефросинья нам с тобой там, в доме, сказала? Я ничего не поняла, а сейчас со мной что-то происходит. И вообще, из-за чего мне стало плохо и почему теперь так хорошо?

Мужчина с грустью усмехнулся. Помолчал, видимо, обдумывая ответ.

— Однажды у тебя уже было сильнейшее магическое истощение, когда в лаборатории ты накрыла вас с Наташей защитным куполом повышенной степени сложности. Но ты не почувствовала отката, потому что все негативные последствия нивелировал паразит. Которого в твоём теле больше нет. Сегодня ты опять держала многослойную защиту, перенапряглась и, как следствие, ощутила побочный эффект. Пока понятно?

— Вполне.

— Поехали дальше. Объем энергии в магическом стволе величина не постоянная, его можно как расходовать, так и восполнять. В случае критического опустошения нужно принудительное восстановление. Если есть возможность воспользоваться медицинской капсулой — великолепно. Десять минут, и ты опять готова к подвигам. К сожалению, это

устройство из разряда очень дорогих, и в открытом доступе его не найти. Разумеется, существуют альтернативные способы. Например, один одаренный может поделиться энергией с другим. Процедура несложная: просто крепко берешь нуждающегося за руку и направляешь ему поток энергии. Для передачи силы используется универсальная ветвь защиты. Она имеется у всех магов, а у некоторых — и вовсе единственная.

— Берет за руку?

Я многозначительно покосилась на пальцы мужчины, сжимающие мои.

— Все верно. Ты неосознанно черпаешь силу напрямую из земли, сама восполняешься, ну и заодно меня заряжаешь. Немного теории. Одаренный, обладая мощным магическим стволом и развитыми ветвями, способен черпать силу из своей стихии. Но иногда это бывает проблематично. Допустим, маг с наиболее развитой ветвью огня магически истощен, при этом находится у моря и доступа к природному огню нет. Такому одаренному придется испытывать «прелести» отката. Рано или поздно он все же восстановится, но это будет долго и нудно.

— М-да. Ситуация.

— У инквизиторов этой проблемы не существует: мы берем энергию прямиком из эфира. Чисто теоретически даже способны восстановить объем энергии в безвоздушном пространстве. Так что особых сложностей в нашем обоюдном

восстановлении я не видел. Твоя же названная мать четко дала понять: я идиот.

— С чего это ты идиот?

Мне очень хотелось повернуться. Но помня, что двигаться нельзя, я могла лишь изумленно хлопать ресницами.

— Светлый маг вначале восстанавливается сам, а уже потом делится энергией. У других одаренных все проще: восполняя источник, они способны одновременно делиться силой. Тебе было очень плохо, а я... — он замолчал.

Не желает показывать слабость? Корит себя, что не подумал о моей способности брать силу из земли? Или подумал, но решил, что не справлюсь и лучше все сделать самому? Вот же... мужчина!

Размышляя, я машинально прикусила губу.

— Извини, — сухо буркнул Алекс.

Я вопросительно вскинула брови.

— За что?

— Едва не заставил тебя второй раз за день мучиться от боли. Но если в первый раз это было вызвано необходимостью, то сейчас я проявил верх самонадеянности и глупости.

Совсем немного повернула голову, чтобы посмотреть на Алекса. На его скулах перекатывались желваки, он явно костерил себя на все лады.

В памяти всплыло воспоминание. Не далее как вчера князь Меншиков точно так же посыпал голову пеплом и винил себя за поведение «брата». Будто в том, что Михаил —

мразь, виноват Александр. Испортил, дескать, Филю. И я, помнится, предложила ему плетку.

Надо бы разнообразить арсенал.

— Ремень дать?

Не уловивший подоплеки вопроса мужчина нахмурился.

— Зачем?

— Чтобы ты себя хорошенько отшлепал. Истязая душу, не забывай о плоти, — повторила я произнесенную мной тогда фразу.

Алекс завис, глядя в одну точку. Спустя томительно долгую минуту отмер, покосился с подозрением.

— Ну да, ты опять наступаешь на те же грабли. — Я хотела кивнуть, но вовремя вспомнила о нежелательности движений. — У всего есть первопричина и — как ни странно звучит — вторичная, неочевидная выгода. Подумай об этом на досуге, — посоветовала и сменила тему: — Где-то за час до открытия аномалии отключилась мобильная связь. Это случайность?

— Закономерность. Так происходит всегда.

— А люди? В их поведении перед прорывом есть какие-то закономерности?

— В поведении неодаренных — да. От зарождающейся аномалии исходят волны на определенной частоте, они и глушат мобильные. На магов эти волны не влияют, а вот на обычных людей, оказавшихся в зоне покрытия, очень даже. Их поведение становится агрессивнее, в разы увеличивается

число несчастных случаев. А в момент разрыва межмировой ткани неодаренные утрачивают способность двигаться. Все слышат, все видят, но стоят истуканами. Как твои хуторяне сегодня. Повторю: такое остолбенение характерно лишь для тех, кто находится непосредственно в месте прорыва.

Повисла пауза, так как я усердно формулировала в голове корректный вопрос. Но Александр, видимо, догадался, что меня может заинтересовать.

— Егор Дмитриевич чаще всего предсказывает открытие тех аномалий, из которых выйдут попаданцы. Будущее он видит выборочно: в основном узловые моменты, способные изменить ход истории государства. Ну или повлияют на судьбы членов правящей семьи.

Алекс посмотрел на меня странно. Очень странно.

Мысленно пожав плечами, спросила то, что волновало сейчас больше всего:

— Если инквизиция осведомлена о типичных признаках предстоящего открытия аномалии, то почему загодя не проводит эвакуацию населения? И неужели до сих пор не придумали способ предотвращения прорыва в конкретной точке?

— Неочевидная выгода, — тихо, но веско ответил Александр. — Прости, большего не скажу: клятва. Могу лишь добавить, что революции не приводят к добру. Ломать давно работающую схему нет никакого смысла, а вот улучшать ее и можно, и нужно. Ты сегодня, сама того не ведая, изобрела способ, как не позволить монстрам прорваться в наш мир. Я

обязательно предложу Егору Дмитриевичу использовать его на постоянной основе.

В моей душе всколыхнулась досада, смешанная с острым любопытством. Эта смесь чувств породила раздражение, и, гася негативные эмоции, я зажмурилась. Выходит, эти жуткие аномалии для чего-то нужны. Для чего? Алекс, как будущая правая рука верховного инквизитора, знает ответ, но рассказать ему не позволит клятва. Значит, эта информация засекречена, причем на высшем уровне.

— Александр, как вы? — послышался голос Ефросиньи.
— Машенька, к тебе Лукерья пришла. Ее хуторяне старостой выбрали.

Лукерью? Неожиданный выбор.

— Мы в норме, — отозвался Алекс и скомандовал: — Поднимаемся!

Последовав своей же команде, он с легкостью вскочил, поставил меня на ноги и обнял одной рукой за талию.

Это оказалось весьма кстати: голова слегка закружилась. Переждав дискомфорт, я повернулась к мужчине, намереваясь поблагодарить за предусмотрительность. Да вот только слова застряли в горле.

В глубине тела инквизитора ритмично пульсировал яркий огонек.

Психея?! Я ее вижу?! Неужели блокировка слетела?! Я опять светлый маг?!

— Маш, что с тобой? — всполошился Александр.

Не веря собственным глазам, я ошалело пялилась на его грудь. Сказать? Или все-таки не стоит?

Глава 8

Видимо, новость меня настолько прибила, что мой ошарашенный вид заставил Ефросинью забеспокоиться. Она кончиком пальца быстро вывела на моей кисти хитромудрую загогулину, проследила, как та засветилась голубоватым светом и вскоре потухла.

— Физических отклонений нет, — сообщила целительница-самородок. — Объем энергии в магическом стволе восстановлен на восемьдесят шесть процентов. Остаточное недомогание лечится плотным ужином и восьмичасовым сном, и все же настоятельно рекомендую воздержаться от каких-либо нагрузок. По крайней мере, до утра.

Голос у названной матери был ровным, но глаза... Взгляд сказал гораздо больше, чем слова. Стало понятно: Ефросинья знает как о ветви светлого мага, так и о том, что блокировка с нее спала.

Неужели она выяснила это за одно действие? Разве такое возможно? Помнится, в военном госпитале, куда нас с Наташей и другими девушками доставили после взрыва в особняке безумца-ученого Шитенберга, меня запихивали в мед-капсулу — как раз, чтобы выявить магические способности.

Мысли запрыгали бешеными блохами.

В том, что эта женщина не сдаст и не предаст, я не сомне-

валась. Но поговорить нам с ней придется, и вот тут вырисовывается проблема. Все как есть рассказать я не смогу. Даже если бы очень захотела — не смогу. Запрет, сделанный верховным инквизитором на крови, не даст. И как быть?!

Тепло мне улыбнувшись, целительница повернулась к Александру.

— Вы позволите?

Алекс, следивший за действиями Ефросиньи с неподдельным изумлением, кивнул. Кстати, таким ошалевшим я его раньше не видела. Матушка делает что-то из ряда вон выходящее?

Моя названная мать взяла мужчину за руку, и все повторилось: загогулина, вспыхнувшее и погасшее свечение.

Алекс, глядя на то место, где его касалась женские пальцы, кашлянул, прочищая горло. Поднял голову.

— Ефросинья, я правильно понял? Вы дважды использовали диагностический конструктор высшего порядка?

— Так вас двое же. Одним не обойтись. — Женщина усмехнулась. — У вас, князь, все в норме. Восстановление стопроцентное. Пойдемте, Лукерья ждет.

Она повернулась, шагнула к дому. Но Алекс ее остановил.

— Подождите! Скажите, какую операцию вы проводили Степану?

Вопрос, судя по всему, так сильно его волновал, что он даже отпустил мою талию и не сводил глаз с целительницы.

— Обе ноги мальчику отрезало. Теперь все в порядке. Дня

через четыре начнет потихоньку ходить, а дальше будет видно.

— Не сочтите за бестактность, но у кого вы учились?

Я наконец более внимательно осмотрела Ефросинью. Отметила, что она сменила симпатичное платье на мешковатую старушечью юбку. Судя по всему, платье испачкалось в крови, когда пришлось срочно заниматься Семеном, но... Матушка ведь красивая, молодая, а ходит в таком безобразии! Вот зачем она себя намеренно старит? Прятаться и убежать больше нет нужды.

Надо будет потихому занырнуть в ее гардероб, выкинуть всю эту «красоту» на помойку. А потом поставить перед фактом, что срочно требуется идти по магазинам. На обновки для матушки уж точно денег не жаль.

Не подозревающая о моем коварном плане женщина заправила выбившийся из косы локон за ухо, с какой-то печалью вздохнула.

— Давно, еще в молодости, старый князь Ростов решил, что мне нужны знания. Дал немного денег и отправил в столицу к ныне покойному архимагу Северцеву. Тот меня сам учить не мог, я ведь простолюдинка, но смотреть не запрещал. Три года бегала за ним по академии хвостиком, слушала да запоминала. Вот и нахваталась всякого.

Брови Алекса взмыли к линии волос. Поймав мой вопрошительный взгляд, он покачал головой и пояснил:

— Лекарей, окончивших высшие учебные заведения и

способных вне стационара приживить отрубленные конечности, а после без каких-либо приборов провести углубленное сканирование — два раза подряд! — единицы. Твоя названная мать — самородок, еще и самоучка. Но при этом она обладает потенциалом и уровнем знаний, достойным целителя императора.

И князь Меньшиков, демонстрируя высшую степень уважения, низко поклонился крестьянке.

Та густо-густо покраснела.

— Полноте вам. Не бог весть какая заслуга подслушивать да запоминать. — Окончательно смутившись, Ефросинья отвернулась. Немного помолчав, задумчиво выдала: — Наташа может стать толковым лекарем. Из-за беременности уровень ее дара вырос в разы. Если не избавится от ребеночка, то потенциал останется как сейчас — почти максимум.

Насколько помню, там, в слесарке, матушка это и говорила Наташе: что уровень ее дара вырос. И обещала обсудить все позже.

— Ты уже поговорила на эту тему с Натальей? — уточнила, взяв Ефросинью под локоть, и потянула ее к дому. Чуть отстав, за нами пошел Александр.

Женщина покачала головой. Дойдя до угла, она остановилась и обернулась. Дождалась, когда подойдет Алекс.

— Посоветоваться с вами обоими хочу. — Целительница внимательно посмотрела на инквизитора, перевела взгляд на меня. — Наталья сейчас стоит перед непростым выбором. А

что если решит дитя оставить только из-за увеличившейся силы? И будет потом ей этот ребяенок как кость поперек горла. Жизнь ведь и себе, и дочке искалечит.

— Сложный вопрос. Так сразу и не ответишь, — призналась я, задумчиво потирая подбородок. — Иногда человеку просто нельзя говорить правду ради его же блага. Но тот ли это случай?

В поиске поддержки глянула на инквизитора. Совесть зашевелилась, напоминая, что сама-то я не готова рассказывать ему правду о слетевшей блокировке, хоть и могу. Какой для него от этого вред? Да вроде никакого. Но что-то свербит, останавливает.

Вдруг осознала: мужчина смотрит на меня странно, будто знает что-то эдакое и крайне недоволен.

О разблокировке дара светлого мага он узнать не мог. Сам объяснил, что на такое сканирование способны единицы одаренных с лекарским даром. Значит, причина не в этом. А в чем? Что у него на уме?

Александр моргнул, и его взгляд изменился, стал привычно невозмутимым.

— Не думаю, что эта информация существенно повлияет на выбор Наташи, — высказал мнение инквизитор. — Она не из тех девиц, которые жаждут денег и славы. И уж тем более не грезит о власти. Если спросит — расскажете.

— И то верно, — согласилась Ефросинья. — Пойдемте, там Лукерья, поди, уже заждалась. Ах да, чуть не забыла!

Она ж не одна приехала, с кузнецом. Это старший брат Степки.

Князь Меньшиков

На диване в гостиной сидела худощавая светловолосая женщина. Рядом с ней возвышался угрюмый рыжий мужик — здоровяк, каких поискать.

Александр проследил за тем, как Маша и Ефросинья расселись, а после прислонился к дверному косяку и приготовился слушать.

Причина, по которой Лукерья приехала не одна, оказалась прозаичной. Рачительная хуторянка побеспокоилась о том, что после операции Степану понадобится не только лекарская помощь, но и самая что ни на есть житейская: ванну там принять или по нужде сходить. И заниматься этим лучше не трем женщинам, а одному крепкому мужчине. Ну а кому, как не старшему брату, ухаживать за младшим? К тому же кузнец давно женат, и о его пылкой любви к супруге не знает разве что глухой. На хуторе совсем уж глухих не было. Слепые имелись, но и они не станут напраслину возводить: со слухом-то все в порядке.

А еще хуторяне серьезно боялись пудового кулака старшего сына Лукерьи. Причем вполне обоснованно: кузнец разговаривал мало, зато с одного удара валил быка. И за семью стоял горой. Однажды жителям хутора Большой Лог

уже предоставлялась возможность лицезреть, что бывает с человеком, посмевающим трепать языком.

Приезжавший в хутор скупщик мяса, здоровенный и преисполненный важности, как-то во всеуслышание заявил, что красавица-жена среднего сына Лукерьи только строит из себя порядочную, а на самом деле и телом поторговать не прочь, когда в город ездит. Шестеро его подручных при этом похабно гоготали и многозначительно подтягивали ремни на штанах. Ни среднего, ни младшего брата в тот момент в хуторе не было, они с отцом ушли на охоту, и обидчика наказал кузнец. Там же, на площади. Отметелил так, что отбил у них всякое желание распускать сплетни о его семье. А заодно и у всех хуторян: никому хочется превращаться в отбивную. После «суда» скупщик и его прихвостни кое-как погрузились в свой микроавтобус, и все, с тех пор от них ни слуху ни духу. Они даже к властям с жалобой не обращались. Со слов Лукерьи, и вовсе перестали перепродавать мясо, а занялись чем-то другим. Возможно, так оно и было, а может, и нет. О сомнениях во всеуслышание никто заявить не рискнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.